

Елена Сергеевна Стешич

кандидат юридических наук, доцент
ORCID: 0000-0001-8047-2697, esteshich@mail.ru

*Ростовский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 344015, Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 83*

Пандемия как объект криминологического изучения

Аннотация: В ходе доктринального исследования автор обращается к причинному комплексу, сопровождающему пандемию и оказывающему влияние на состояние, динамику и тенденции преступности. Развивается мысль о предметном криминологическом изучении пандемии COVID-19 через призму таких основных блоков, как: факторы девиантного поведения, связанные с пандемией; пандемия и особенности правонарушающего поведения; законодательство пандемии; правоприменение пандемии; пандемия и цифровые технологии в предупреждении криминальных угроз; масштабы и источник пандемии; смертность и пандемия. Обращается внимание на тот факт, что в условиях пандемии, когда оперативность сбора статистических данных традиционными методами снижается, мониторинг избыточной смертности является вспомогательным методом исследования пандемии и уровня её латентности, что особенно важно для выявления фактов криминальной гибели людей. Избыточная смертность определяется путём сравнения количества смертей, наступивших в определенный период времени (недели, месяцы, год), с ожидаемым количеством смертей по прошлому опыту. Полученное превышение (снижение) должно коррелировать с новыми обстоятельствами, изменившими структуру смертности и способствовавшими росту (снижению) летальных исходов. Подчеркивается, что при установлении связи источника пандемии с виной конкретных лиц, все погибшие, в причине смерти которых установлена связь с COVID-19 (прямая или косвенная), должны быть признаны жертвами преступлений.

Ключевые слова: пандемия, криминология катастроф, смертность, причинная связь, фактор преступности.

Для цитирования: Стешич Е. С. Пандемия как объект криминологического изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 4 (88). – С. 114–119; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-114-119.

Elena S. Steshich

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
ORCID: 0000-0001-8047-2697, esteshich@mail.ru

*Rostov Law Institute of the MIA of Russia
83, Eremenko str., Rostov-on-Don, 344015, Russian Federation*

Pandemic as an object of criminological study

Abstract: In the course of the doctrinal research, the author addresses the causal complex that accompanies the pandemic and affects the state, dynamics and trends of crime. Developing the idea of substantive criminological study of pandemic COVID-19 through the prism of such main blocks as: factors of deviant behavior associated with the pandemic; the pandemic and the features of the infringing conduct;

legislation of the pandemic law enforcement pandemic; pandemic and digital technologies in the prevention of criminal threats; the extent and source of the pandemic; mortality and pandemic. Attention is drawn to the fact that in the context of a pandemic, when the efficiency of statistical data collection by traditional methods is reduced, monitoring excess mortality is an auxiliary method for studying the pandemic and its latency level, which is especially important for identifying the facts of criminal deaths. Attention is drawn to the fact that the entry of COVID-19 as a cause of death in the medical death certificate must be for all those who have died from an infection that caused, presumably caused or contributed to death. However, the practice of encoding causes of death and recording deaths continues to differ, which hinders a true understanding of the scale of the pandemic and its mortality. It is emphasized that when establishing a link between the source of the pandemic and the fault of specific individuals, all victims whose cause of death is linked to COVID-19 (direct or indirect) should be recognized as victims of crimes.

Keywords: pandemic, catastrophe criminology, mortality, causality, crime factor.

For citation: Steshich E. S. Pandemic as an object of criminological study // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – № 4 (88). – P. 114–119; doi: 10.35750/2071-8284-2020-4-114-119.

Механизм противодействия преступности в условиях природных бедствий и техногенных катастроф становился объектом криминологического изучения. Однако имеющиеся работы единичны: в 1997 году защищена кандидатская диссертация А. Э. Туманяна¹, в 2015 году опубликована монография Т. А. Зориной: «Проблемы предупреждения преступности в условиях стихийных бедствий» [1]. Я. И. Гилинский, анализируя программы зарубежных криминологических мероприятий (свыше 4500 докладов на европейских конференциях и около 2000 на мировых конгрессах), обнаружил всего несколько работ, посвященных последствиям землетрясений и цунами, а их тематику назвал «уникальной» [2, с. 8–31].

И, конечно, следует назвать монографию «Криминология катастроф», выпущенную в США в 2017 году. Несмотря на то, что её авторы Келли Фрайлинг и Ди Вуд Харпер сконцентрировали внимание на криминологическом анализе событий, связанных с ураганом Катрин, по сути, ими положено начало новой отрасли криминологического учения, связанного с анализом преступности в условиях природных и техногенных катастроф. В монографии описаны результаты многолетних исследований, проведённых с 2005 по 2017 гг. на основе междисциплинарного подхода (методы социологии, антропологии, психологии, политологии, экономики, географии, инженерии, биологии). Авторами рассмотрены причины, меняющие вектор нормативности по-

ведения человека при стихийном бедствии, в том числе обусловленность девиантного поведения состоянием страха; типы межличностного насилия в ситуации стихийных бедствий; особенности корыстной, а также организованной преступности, мимикрирующей к новым условиям; виктимологические особенности отдельных групп населения [3].

Думается, что направление криминологических исследований по изучению причин и условий преступности, личности преступника и мер её предупреждения в период неблагоприятных событий экологического, биологического, техногенного и другого характера будет стремительно развиваться² [4–10]. В будущем следует ожидать закрепления в научно-практическом обороте термина «криминология катастроф» с выделением самостоятельного криминологического учения. По тяжести причиняемых последствий нынешняя пандемия является катастрофой и подлежит криминологическому изучению в той мере, в какой она связана с преступностью и её детерминирует.

Криминологические аспекты пандемии могут быть изучены через призму семи основных блоков:

- 1) факторы девиантного поведения, связанные с пандемией;
- 2) пандемия и особенности правонарушающего поведения;
- 3) законодательство пандемии;
- 4) правоприменение пандемии;

¹ Туманян А. Э. Проблемы предупреждения преступности в условиях стихийного бедствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.0.08 / Туманян Армен Эдуардович. – Москва, 1997. – 25 с.

² Бабуринов В. В., Бавсун М. В. и др. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / 2-е издание, переработанное и дополненное. – Омск, 2020. – 768 с.

5) пандемия и цифровые технологии в предупреждении криминальных угроз;

6) масштабы и источник пандемии;

7) смертность и пандемия.

В блоке «Факторы девиантного поведения, связанные с пандемией», уже на начальном этапе формируются неблагоприятные прогнозы. В докладе «Комплексное реагирование Организации Объединённых Наций на COVID-19» (июнь 2020 г.) констатируется: «Мы наблюдаем экономический кризис, гуманитарный кризис, кризис в области безопасности и кризис в области прав человека. Пандемия ударила по отдельным людям, семьям и обществу. Кризис выявил слабые места внутри стран и в отношениях между ними»³. Ставится под сомнение возможность достижения до 2030 года всех 17 целей в области устойчивого развития, утверждённых Генеральной ассамблеей ООН, в частности, сокращения бедности, безработицы, бездомности и дискриминации, повышения уровня образования. «Ожидается, что 71 млн. человек будут вынуждены вернуться к крайней нищете в 2020 году, что является первым ростом глобальной бедности с 1998 года. Потерянные доходы, ограниченная социальная защита и растущие цены означают, что даже те, кто ранее был в безопасности, могут оказаться в опасности бедности и голода». Цели носят комплексный и неделимый характер и обеспечивают сбалансированность всех трёх компонентов устойчивого развития: экономического, социального и экологического. Наша страна является государством-участником. Ухудшение социально-экономического положения причинно связано с психологическим дискомфортом, фрустрацией, огрублением нравов и вместе с этим с увеличением рисков суицидального поведения, виктимности населения, стигматизации, ксенофобии, ненависти и связанной с ними нетерпимости, особенно в отношении мигрантов, беженцев, переселенцев⁴.

В блоке «Пандемия и особенности правонарушающего поведения» подлежат изучению качественные и количественные изменения преступности. Полицейская служба Европейского союза выделяет три основные области преступ-

ности периода COVID-19: киберпреступность, мошенничество и контрафактные товары. Практически во всем мире нарастают риски проникновения криминала в систему здравоохранения, куда направлены огромные финансовые и материальные ресурсы. В целом, с одной стороны, пандемия сдерживает преступную деятельность, а с другой, в частности, в семейно-бытовой сфере, заметно активизирует, о чем свидетельствуют доклады ВОЗ, уполномоченного по правам человека о насилии в семье и исследования в области латентной преступности.

В блоке «Законодательство пандемии» даётся криминологический анализ правотворчества, направленного на минимизацию общественно опасных последствий пандемии. Становится очевидным, что помимо отраслевого законодательства потребуется пересмотр всей внутренней и внешней стратегии государств – и всё это требует криминологического анализа.

В области уголовно-правового регулирования введена ст. 207¹ УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной информации, представляющей угрозу жизни и безопасности граждан», 207² УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшей тяжкие последствия». Изменена редакция и усилена ответственность по ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил». Состав ч. 1 ст. 236 УК РФ теперь образуют не только фактически наступившие последствия, состоящие в массовом заболевании или гибели людей, но и угроза наступления таковых.

В блоке «Правоприменение пандемии» анализируется оперативность и эффективность правоприменительной деятельности по предупреждению общественно опасного поведения в период пандемии.

Контент-анализ сообщений СМИ о возбуждённых уголовных делах в нашей стране показал, что по ст. 236 УК РФ зарегистрировано более 20 преступлений, в том числе на территории Ростовской области – одно преступление по факту инфицирования врача в городской больнице № 6 (более 50 человек отправлены на карантин). Результаты проведённой санитарно-эпидемиологической экспертизы показали нарушения законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и конкретных санэпидправил для организаций, осуществляющих медицинскую деятельность. В настоящее время обвинение никому не предъявлено. По собственному желанию уволен главный врач больницы.

³ Комплексное реагирование Организации Объединённых Наций на COVID-19: спасение людей, защита общества, более эффективное восстановление. – Доклад [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. – 2020, июнь. – URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/comprehensive_response_to_covid-19_russian.pdf (дата обращения: 04.-9.2020).

⁴ COVID-19 и права человека : аналитическая записка [Электронный ресурс] // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения: 04.09.2020).

Из анализа имеющихся материалов следует, что уголовное дело по ст. 236 УК РФ возбуждается чаще по признаку «угрозы» массового заболевания, реже – в связи с наступлением последствия в виде смерти человека. Признак угрозы вызвал волну нареканий, особенно в адвокатской среде, в связи с возможностью объективного вменения. Полагаем, что формальный состав криминологически оправдан тяжестью наступающих последствий заболевания, хотя мониторинг событий, по которым начато расследование, показал, что потерпевшими, как правило, были один-два человека из семьи самого же виновного. Таким образом, насколько реальной была в таких обстоятельствах угроза массового инфицирования – вопрос открытый.

Не менее трудным считается установление причинно-следственной связи между деянием нарушителя санитарно-эпидемиологических правил и инфицированием (смертью) другого лица (лиц). Обе стороны уголовного процесса – и защита, и обвинение – обращают внимание на способности конкретного штамма заражать организм конкретного человека (вирулентности) и свойства инфекционных болезней передаваться от больного человека здоровому (контагиозности), что носит вероятностный характер. При этом считается, что даже в условиях инфекционного стационара достоверное установление источника заражения конкретного лица исключено. Между тем ориентирование на прямой вид причинной связи несправедливо ограничивает уголовную ответственность. Лицо должно подлежать ответственности за наступившие последствия, если его деяние является условием их наступления. Вид причинной зависимости может влиять лишь на степень наказуемости.

Вообще, учитывая высокую смертность и повсеместное нарушение установленных санитарно-эпидемиологических правил, высокая латентность этого преступления очевидна.

В блок «Пандемия и цифровые технологии в предупреждении криминальных угроз» наряду с позитивным результатом внедрения цифровых технологий в систему контроля за соблюдением карантинных мероприятий следует включить криминологическую оценку мерам слежения, ряд из которых граничит с нарушением прав граждан: цифровые и аналоговые пропуска, позволяющие ограничивать виды транспорта и цели передвижения, видеонаблюдение с функцией распознавания лиц, отслеживание местонахождения по геолокации с автоматическим выписыванием штрафов. Избыточные или

неурегулированные законодательством меры разрушают авторитет государственной власти, способствуют паническим настроениям и росту девиаций, что, конечно, влечет негативные криминологические последствия.

На исследование источника, масштабов и смертности от пандемии устремлено внимание всего мира. Национальные и международные учреждения здравоохранения регулярно обновляют данные об эпидемиологической ситуации. Но, по мнению экспертов, представляемая странами-участниками ВОЗ статистическая информация не в полной мере отражает истинное положение вещей.

Во-первых, практически ни в одной стране в настоящее время нет сплошного тестирования погибших лиц, тем более сложно выявить, у какого числа людей заболевание проходило бессимптомно.

Во-вторых, режим самоизоляции мог повлиять на своевременность обращения за свидетельством о смерти, в связи с чем информация о части умерших появлялась с опозданием.

В-третьих, режим самоизоляции, загруженность лечебных учреждений могли способствовать переходу на самолечение, а затем и смерти от поздней (отсутствующей) квалифицированной медицинской помощи.

И, наконец, четвёртое, самое главное: технический учёт заболеваний осуществляется в каждой стране по-разному, несмотря на то, что разработка статистики по причинам смерти производится согласно Международной классификации болезней Всемирной организации здравоохранения (МКБ-10). Она является стандартным диагностическим инструментом в эпидемиологии, управлении системой здравоохранения и клинической практике. Статистика причин смерти основана на концепции «первоначальной причины смерти», под которой понимается: а) болезнь или травма, вызвавшая цепь болезненных процессов, непосредственно приведших к смерти, или б) обстоятельства несчастного случая или акта насилия, которые вызвали смертельную травму. Это определение продиктовано тем, что, выстроив цепь событий, приведших к смерти, можно в ряде случаев повлиять на неё с целью предотвращения смерти. Именно определение первоначальной причины смерти (её обозначение от непосредственной причины смерти, промежуточной, конкурирующей, сопутствующей и фоновой причины, установление причинно-следственных связей между заболеванием и смертью) в деятельности медицинских работников вызывает самые серьёзные сложности.

Впрочем, на исследование уровня пандемии технические ошибки, казалось бы, существенного влияния оказать не могут. Дело в том, что, согласно новым рекомендациям ВОЗ от 20 апреля 2020 года, для регистрации смерти, связанной с COVID-19, достаточно установить, что вирус выступил любой, а не только основной причиной смерти⁵. И это, безусловно, позволило несколько «выровнять» статистические погрешности, связанные с уровнем подготовки медицинского персонала и устоявшейся практикой в конкретной стране.

В пунктах 2 «Определение случаев смерти от COVID-19» и 3 «Руководство по удостоверению COVID-19 как причины смерти» методических рекомендаций прямо указано:

1. Смерть от коронавирусной инфекции COVID-19 для целей эпиднадзора определяется как смерть, наступившая в результате клинически установленного заболевания, подтвержденного или определенного как вероятное, если нет четко установленной альтернативной причины смерти, которая не может быть связана с заболеванием COVID-19 (например, травма).

2. Причина смерти от COVID-19 должна учитываться независимо от ранее имевшихся заболеваний, которые предположительно могут спровоцировать тяжелое течение COVID-19.

3. Люди с существующими хроническими заболеваниями или ослабленной иммунной системой подвергаются более высокому риску смерти от COVID-19. К хроническим заболеваниям можно отнести неинфекционные заболевания, такие как болезнь коронарных артерий, хроническая обструктивная болезнь легких (ХОБЛ), диабет или инвалидность.

4. Введены новые коды для COVID-19: U07.1 – вирус идентифицирован; U07.2 – вирус не идентифицирован. Клинически и эпидемиологически диагностированная COVID-19; вероятная COVID-19, подозрение на COVID-19.

5. Страны не должны исправлять то, что сочтут ошибкой, поскольку изменения на национальном уровне приведут к получению данных, которые будут менее сопоставимы с данными из других стран и, следовательно, будут менее полезны для анализа.

Таким образом, запись COVID-19 как причины смерти в медицинском свидетельстве о смерти должна быть для всех умерших, у ко-

торых инфекция вызвала, предположительно вызвала смерть или способствовала её наступлению. Исключение составляют только те события, приведшие смерти, которые совершенно не связаны с влиянием COVID, например, если человек выздоровел и умер от другой причины (несчастный случай, убийство, самоубийство). Однако практика кодировки причин смерти и учёта погибших продолжает отличаться, что препятствует истинному пониманию масштабов пандемии и смертности от неё.

По этой причине отечественные и зарубежные демографы рекомендуют проводить исследования способом измерения избыточной смертности, которая определяется путём сравнения количества смертей, наступивших в определённый период времени (недели, месяцы, год), с ожидаемым количеством смертей по прошлому опыту [11, с. 75]. Полученное превышение (снижение) должно коррелировать с новыми обстоятельствами, изменившими структуру смертности и способствовавшими росту (снижению) летальных исходов.

Таким образом, в основе исследования пандемии находится комплексный подход и системный анализ с опорой на следующие теоретические предпосылки.

1. Пандемию в криминологии следует рассматривать в качестве фактора преступности, то есть явления, оказывающего прямое и косвенное негативное воздействие на все сферы жизнедеятельности человека, а также, при установлении вины конкретных лиц в её происхождении, как широкомасштабное общественно опасное последствие преступной деятельности.

2. Пандемия может быть изучена через призму таких блоков, как: факторы девиантного поведения, связанные с пандемией; пандемия и особенности правонарушающего поведения; законодательство пандемии; правоприменение пандемии; пандемия и цифровые технологии в предупреждении криминальных угроз; масштабы и источник пандемии; смертность и пандемия.

3. В условиях пандемии, когда оперативность сбора статистических данных традиционными методами снижается, мониторинг избыточной смертности является вспомогательным методом исследования пандемии и уровня её латентности.

4. При установлении связи источника пандемии с виной конкретных лиц все погибшие, в причине смерти которых установлена связь с COVID-19 (прямая или косвенная), должны быть признаны жертвами преступлений.

⁵ Международные методические рекомендации по удостоверению и кодированию COVID-19 в качестве причины смерти. Основаны на Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ) : методические рекомендации ВОЗ от 20 апреля 2020 г.

Список литературы

1. Зорина Т. А. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в условиях природных бедствий и техногенных катастроф : монография. – Москва: Изд-во Научно-исследовательского ин-та истории, экономики и права, 2015. – 130 с.
2. Гилинский Я. Некоторые тенденции мировой криминологии // Российский ежегодник уголовного права (Санкт-Петербургский государственный университет). – 2013. – № 6. – С. 8–31.
3. *Frailing Kelly, Harper Dee Wood. Toward a Criminology of Disaster. What We Know and What We Need to Find Out* [Электронный ресурс] // Сайт «Springer». – URL: <http://www.springer.com/series/14953> (дата обращения: 05.08.2020).
4. Овчинский В. С. COVID-19 и право [Электронный ресурс] // Сайт «Изборский клуб». – 2020. – 24 апреля. – URL: [https:// izborsk-club.ru/19154](https://izborsk-club.ru/19154) (дата обращения: 05.08.2020).
5. Клеймёнов М. П., Клеймёнов И. М. Криминология в современном мире // Всероссийский криминологический журнал. – 2001. – № 1 (15). – С. 5–13.
6. Кабанов П. А., Магизов Р. Р. Современная криминология как наука и учебная дисциплина. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. – 104 с.
7. Горшенков Г. Н. Криминология: научные инновации : монография. – Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2009. – 212 с.
8. Фадеев В. Н. Теоретико-методологические основы криминологии будущего // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 5–19.
9. Корецкий Д. А. Терминологические новеллы «новой нормальности» и их юридические последствия // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 4 (11). – С. 123–131.
10. Стешич Е. С. Криминология гомицида. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 496 с.
11. Смертность от внешних причин в России с середины XX века : монография / науч. ред. и рук. авт. колл. А. Г. Вишнеvский. – Москва, 2017. – 448 с.

References

1. Zorina T. A. Kriminologicheskaya harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh v usloviyah prirodnyh bedstvij i tekhnogennyh katastrof: monografiya / Zorina T. A. – Moskva, Izd-vo nauchno-issledovatel'skogo in-ta istorii, ekonomiki i prava, 2015. - 130 s.
2. Gilinskij Ya. Nekotorye tendencii mirovoj kriminologii // Rossijskij Ezhegodnik ugolovnogogo prava SPb GU. – 2013. – № 6. – С. 8-31.
3. Kelly Frailing, Dee Wood Harper. Toward a Criminology of Disaster. What We Know and What We Need to Find Out. – URL: <http://www.springer.com/series/14953> (data obrashcheniya: 05.08.2020).
4. Ovchinskij V. S. COVID-19 i pravo // Izborskij klub. 24 aprelya 2020 g. – URL: <https:// izborsk-club.ru/19154> (data obrashcheniya: 05.08.2020).
5. Klejmyonov M. P., Klejmyonov I. M. Kriminologiya v sovremennom mire // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2001. 1 (15). S. 5-13.
6. Kabanov P. A., Magizov R. R. Sovremennaya kriminologiya kak nauka i uchebnaya disciplina. - Kazan': Izd-vo kazanskogo un-ta, 2017. - 104 s.
7. Gorshenkov G. N. Kriminologiya: nauchnye innovacii: Monografiya. – N. Novgorod: Izd-vo Volgo-Vyatskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby, 2009. – 212 s.
8. Fadeev V. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy kriminologii budushchego // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2020. – Т. 14. – № 1. – С. 5-19.
9. Koreckij D. A. Terminologicheskie novelty «novoj normal'nosti» i ih yuridicheskie posledstviya // Ural'skij zhurnal pravovyh issledovanij. – 2020. – № 4 (11). – S. 123-131.
10. Steshich Ye. S. Kriminologiya gomitsida. – Moskva: Yurлитinform, 2019. – 496 s.
11. Smertnost' ot vneshnikh prichin v Rossii s serediny XX veka: monografiya / nauch. red. i ruk. avt. koll. A.G. Vishnevskiy. – Moskva, 2017. – 448 s.

Статья поступила в редакцию 29.09.2020 г.